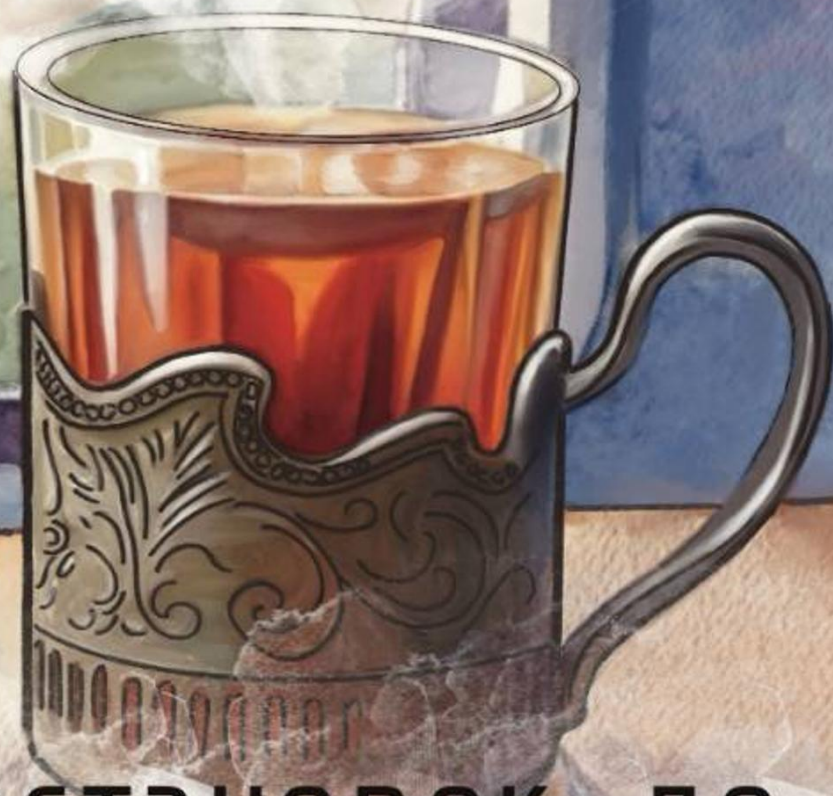

АНАСТАСИЯ
ЗИЛЬБЕРМАН

Семь остановок до
Владивостока

Анастасия Зильберман

Семь остановок до Владивостока

«Автор»

2026

Зильберман А.

Семь остановок до Владивостока / А. Зильберман — «Автор»,
2026

Эта книга родилась в поезде. Не в том смысле, что я писала ее, сидя на полке купе, хотя и это было правдой. А в том, что сама идея пришла ко мне, когда я ехала из Москвы в Петербург и случайно оказалась в одном купе с незнакомым мужчиной, который через час рассказывал мне историю своей жизни. Он говорил, а я слушала. Смотрела в окно на мелькающие огни и думала: «Почему он рассказывает это мне?» Потому что мы были в поезде. В поездах люди открываются. Я не знаю точно, почему так происходит. Может быть, виноват ритмичный стук колес, который убаюкивает и снимает защитные барьеры. Может быть, иллюзия того, что через несколько часов вы расстанетесь навсегда, и можно говорить правду. Может быть, просто некуда деваться: вы сидите в замкнутом пространстве, и молчать неловко.

© Зильберман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Пролог. Москва. Ярославский вокзал	7
День первый. Нижний Новгород	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анастасия Зильберман

Семь остановок до Владивостока

Анастасия Зильберман

Книга-путешествие

**Семь остановок
до Владивостока**

Оглавление

Предисловие

Пролог. Москва. Ярославский вокзал

День первый. Нижний Новгород

День второй. Екатеринбург

День третий. Новосибирск

День четвертый. Красноярск

День пятый. Иркутск

День шестой. Улан-Удэ

День седьмой. Хабаровск

Эпилог. Владивосток. Конечная

Предисловие

Эта книга родилась в поезде. Не в том смысле, что я писала ее, сидя на полке купе, хотя и это было правдой. А в том, что сама идея пришла ко мне, когда я ехала из Москвы в Петербург и случайно оказалась в одном купе с незнакомым мужчиной, который через час рассказывал мне историю своей жизни. Он говорил, а я слушала. Смотрела в окно на мелькающие огни и думала: «Почему он рассказывает это мне?»

Потому что мы были в поезде. В поездах люди открываются. Я не знаю точно, почему так происходит. Может быть, виноват ритмичный стук колес, который убаюкивает и снимает защитные барьеры. Может быть, иллюзия того, что через несколько часов вы расстанетесь навсегда, и можно говорить правду. Может быть, просто некуда деваться: вы сидите в замкнутом пространстве, и молчать неловко.

Я много лет вынашивала эту идею. Поезд. Дальняя дорога. Попутчики, которые заходят в купе, рассказывают свои истории и выходят на разных станциях. Каждый со своей болью, своей надеждой, своей правдой. А посреди них человек, который едет от начала до конца. Который слушает. Который меняется.

Когда я начала писать «Семь остановок до Владивостока», я не знала, куда приведут меня герои. Я знала только маршрут: Москва-Владивосток, поезд №1 «Россия», семь дней пути, семь остановок. Имена, судьбы, истории пришли сами. Я встретила их в своих записях, в газетных вырезках, в рассказах знакомых, в лицах случайных прохожих на вокзалах. Старого речника, который потерял друга в ледоходе. Бывшего офицера, который не мог забыть войну. Генетика, носившую в себе ген смерти. Егеря, бежавшего от людей в тайгу. Художницу, которая билась головой о лед. Монаха, превратившего вину в доброту. Женщину, пережившую блокаду и дорогу в товарном вагоне.

Все они выдуманы. И все реальны. Потому что такие люди есть. Я встречала их в электричках, в метро, в залах ожидания, в купе. Просто не успевала записывать. Теперь успела.

Главный герой – не я. Но в нем есть часть меня. Часть каждого, кто когда-нибудь садился в поезд, чтобы бежать от себя, и понимал, что себя не обгонишь. Его боль – потеря ребенка, разрыв с женой, бессмысленный побег на край земли – не моя боль. Но я знаю, что такая боль есть. И знаю, что ее можно превратить. Во что, решает сам человек.

Я писала эту книгу долго. Переписывала, выбрасывала, начинала заново. Мне казалось, что истории получаются слишком разными, слишком тяжелыми, слишком личными. Но потом я поняла: в этом и есть замысел. Поезд – это жизнь. Попутчики – это люди, которых мы встречаем на пути. Некоторые остаются на одну остановку, некоторые – на полпути, некоторые едут с тобой до конца. И у каждого есть чему научиться.

Эту книгу не надо читать быстро. Ее надо читать под стук колес, даже если вы сидите дома, в кресле, и за окном не Сибирь, а соседний подъезд. Закройте глаза, представьте, что вы в купе. Слышите мерный ритм? Слышите, как кто-то в тамбуре чиркает зажигалкой? Чувствуете запах чая и дешевого табака?

Откройте первую страницу.

Поезд отправляется.

Пролог. Москва. Ярославский вокзал

Комсомольская площадь встречает его запахами. Здесь все смешалось: жареные пирожки с картошкой из ларька, перегар от компании в телогрейках у входа, свежий табак из открытой двери курилки и что-то сладкое – ваниль, что ли? – из круглосуточного кафе с пластиковыми стульями. Алексей останавливается на секунду, вдыхает. В этом запахе, кажется, весь вокзал. Вся Россия, которая не входит в глянцевые журналы.

Он здесь впервые. Нет, в Москве он живет пятнадцать лет, но на вокзалы приезжает только встречать или провожать. Сам никогда не уезжал. Таксисты сигналият у тротуара, женщины с тележками огибают лужи, носильщик в синей робе тащит гору чемоданов – шесть штук на одной тележке, плюс клетка с котом сверху. Алексей смотрит на свой рюкзак. Темно-серый, потертый, с оторванной пряжкой на левом ляжке. Внутри три футболки, одни джинсы, теплая кофта, зарядка, зубная щетка, фотоаппарат и блокнот. Все.

Он не планировал этого побега. Не готовился, не собирал вещи загодя, не писал списков. Просто однажды вечером, через четыре месяца после того разговора, после того, как она сказала «мне нужно подумать, я позвоню», а не позвонила, после того, как он перестал ждать звонка и начал ждать утра, чтобы просто дожить этот день, он открыл ноутбук, зашел на сайт РЖД и купил билет.

Билет. В один конец.

Москва – Владивосток. Поезд №1 «Россия». Отправление в 21:10.

Семь дней. Восемь ночей. Девять тысяч двести восемьдесят восемь километров – так написано в интернете, и эта цифра показалась ему правильной. У него нет обратного билета. Он не знает, что будет во Владивостоке. Может быть, сядет на самолет и вернется. Может быть, останется. Может быть, поедет дальше на Сахалин, паромом.

Он ничего не знает. И впервые за долгое время это не пугает.

Внутри вокзала толпа. Люди, люди, люди. С рюкзаками, чемоданами, узлами, детьми, пакетами, гитарами в чехлах, клетками с кроликами. Алексей пробирается к табло. Зеленые буквы прыгают: «Москва–Владивосток, поезд №1, 3-й путь, посадка с 20:45». Сейчас 20:30. Есть время.

Он садится на скамейку у колонны, ставит рюкзак между ног, смотрит. Снимать пока не хочется – не то настроение. Он просто смотрит.

Вон мужчина в дорогом пальто бежит к кассам, потерял билет, шарит по карманам, лицо красное, пот на лбу. Рядом девушка лет двадцати сидит на чемодане, в наушниках, что-то жует, смотрит в телефон, улыбается. Парень в военной форме обнимает женщину с ребенком, она плачет, он гладит ее по голове, говорит что-то тихое, не слышно. Мальчик лет семи толкает перед собой маленький зеленый чемоданчик, гордый, как взрослый.

«У всех есть куда ехать, – думает Алексей. – У всех есть зачем. А у меня?»

Он не знает.

Объявляют посадку. Голос из динамика, усталый женский, механический, будто его записали лет двадцать назад и до сих пор крутят: «Посадка на поезд №1 сообщением Москва–Владивосток производится с третьего пути. Провожающие остаются на перроне. Пассажиров просят предъявить билеты и документы».

Алексей берет рюкзак, идет к турникетам. В очереди перед ним пожилая пара, он несет два огромных пакета, она – клетку с перепелами. Перепела кричат. Женщина оборачивается:

– Вы на Владивосток?

Алексей кивает.

– А мы до Иркутска, к детям. Там у нас внучка родилась, третий месяц, еще не видели. А вы один?

Алексей кивает.

– Молодой человек, а почему без вещей? Забыли?

– Не забыл. Просто ничего не нужно, – улыбается Алексей.

Женщина смотрит на него с недоумением, потом с сочувствием – так смотрят на больных, когда не знают, что сказать. Она берет мужа под руку, и они проходят через турникет.

«До Иркутска», – думает Алексей. Ему до самого конца.

Поезд стоит у перрона. Длинный, зеленый, с золотой полосой – парадный, почти игрушечный в свете фонарей. Пассажиры бегут вдоль вагонов, сверяя номера. Проводницы в синей форме проверяют билеты, помогают затаскивать тяжелые сумки.

Алексей находит свой вагон – девятый. Проводница – женщина лет пятидесяти, с синими волосами (настоящими, нематыми, выгоревшими) и усталыми глазами – берет его билет, сканирует, отдает обратно.

– Ваше место десятое, верхнее. Белье возьмете?

Алексей кивнул.

– Сто рублей.

Алексей отдает деньги, берет целлофановый пакет с бельем.

– Чай будете? Через час принесу.

Он не будет, но говорит «да» – так легче.

Внутри вагона запах. Поездной запах: нагретый пластик, металл, дешевый табак из тамбура, хлорка из туалета и что-то сладковато-приторное, как старые духи. Алексей идет по узкому коридору, задевая плечом стены. Купе открыто. Он заглядывает.

Десятое место. Верхняя полка. Под ней – нижняя, девятая, уже занята: на ней лежит чей-то плед, подушка в горошек, раскрытая книга – женский детектив с потрепанной обложкой. Сосед или соседка ушли, может, в туалет, может, в вагон-ресторан, может, курить в тамбур. Алексей не знает. Он закидывает рюкзак наверх, стягивает кроссовки, забирается с ногами.

Сверху видно все купе. Два нижних места – девятое (чужое) и одиннадцатое (пустое, пока). Два верхних – его десятое и двенадцатое (тоже пустое). Столик у окна, занавески в синюю клетку, лампочка под потолком – тусклая, желтая, почти домашняя. Зеркало на двери, крючки для одежды.

Он открывает блокнот. Чистый, сто восемь страниц в клетку, черная обложка. Ручка обычная, шариковая, купленная в «Пятерочке» по дороге на вокзал. Пишет: «21:00, Ярославский вокзал. Я сел в поезд. У меня нет цели, нет жены, нет дома. Только рюкзак, фотоаппарат и семь дней пути. Я не знаю, зачем я туда еду. Может быть, чтобы понять, куда мне ехать дальше».

Поезд дергается, мягко, почти по-домашнему. Потом еще раз, сильнее. За окном медленно плывет перрон, люди внизу машут руками: кто платком, кто просто ладонью. Девушка с розовым чемоданчиком, тот мальчик, но поезд ускоряется, и он остается, маленькая точка в свете фонарей.

Москва. Огни, мосты, рекламные щиты, пробки на эстакадах – сверху, с высоты второй полки, все кажется игрушечным. Потом дома становятся ниже, огней меньше, потом темнота. Только редкие фонари, мелькающие как пульс, и отражение Алексея в стекле – бледное, усталое, с двумя неделями щетины.

Он смотрит на свое отражение и не узнает его. Когда-то – год назад? два? – он был другим. Улыбался. Строил планы. Они купили квартиру в ипотеку – двушку в Строгино, с видом на Строгинскую пойму. Планировали ремонт: она хотела скандинавский стиль, он – лофт, спорили до хрипоты, потом помирились. Потом купили коляску, еще до того, как все случилось. Коляска до сих пор стоит в коридоре, новая, в пленке.

Потом она сказала: «У нас больше нет ребенка». Сказала это утром, на кухне, он только налил кофе. Ничего не объяснила. Просто встала, поставила кружку и вышла из кухни. А через неделю уехала к матери в Тверь.

Все. Конец истории.

Алексей не знает, почему он пишет это сейчас, в блокноте, под стук колес. Может быть, потому что в поезде можно говорить с собой. В поезде никто не слышит.

Где-то в конце коридора хлопает дверь тамбура. Шаги. Кто-то идет по коридору, скрипят половицы под линолеумом, лязгает ручка двери соседнего купе.

Алексей закрывает блокнот, кладет под подушку, поворачивается лицом к стене. Стук колес ровный, ритмичный, как пульс мира.

Ему снится жена. Она стоит на платформе Ярославского вокзала, в том же сером пальто, в котором уехала в Тверь. Держит за руку маленького мальчика, лет пяти, в синей шапке с помпоном. Алексей знает, что это его сын, которого не случилось. Жена не смотрит на него. Смотрит на поезд. Мальчик машет рукой.

Алексей хочет закричать: «Остановите! Остановите поезд!», но не может. Горло сжато. Он просыпается от собственного всхлипа.

В купе темно. За окном ночь, звезды, бесконечное поле. Нижняя полка – девятая — пуста. Плед сложен, книги нет. Сосед или соседка ушли, может, вышли на станции, которую Алексей проспал.

Он смотрит на часы. 02:17.

Поезд идет. Стук колес все тот же, неумолимый, ровный.

Алексей достает блокнот, пишет одну фразу: «Я еду туда, где никто меня не знает. И, может быть, это единственный способ узнать себя».

Потом он прячет блокнот, закрывает глаза. Поезд везет его в ночь. В Сибирь. В никуда.

Или домой.

Он еще не знает.

День первый. Нижний Новгород

Алексея разбудил свет. Не тот резкий, вокзальный, который бьет по глазам, а мягкий, утренний, северный – белый с голубишной, какой бывает только в октябре. Он продрал глаза, посмотрел на часы: 5:47. Поезд почти не трясло, стук колес стал ровным, почти сонным. За окном серое небо, мокрые платформы, железнодорожные пути, уходящие в стороны, как реки.

Объявили Нижний Новгород.

Алексей сел на полке, потер лицо. В купе все еще было темно, шторы задернуты, сосед с девятой нижней полки так и не появился за ночь. Плед остался лежать на месте. Странно. Может быть, сосед вышел ночью, а Алексей проспал. Может быть, это вообще чужое место, и проводница перепутала.

Он спустился вниз, натянул джинсы, кроссовки, накинул кофту. В коридоре пахло остывшим чаем и утренней сыростью. Проводница с синими волосами сидела в своем купе, пила из граненого стакана что-то горячее, смотрела в окно. Увидела Алексея, кивнула: «Нижний. Стоим двадцать пять минут. Успеете на платформу». Он кивнул в ответ.

На платформе было сыро. Не дождь, нет – хуже: мерзкая осенняя изморось, которая не мочит, а липнет к лицу, как чужая рука. Алексей поднял воротник, сунул руки в карманы. Платформа была почти пустой, только редкие пассажиры с сумками торопились к вагонам, да женщина у колонны торговала чаем из тележки. Белый пластиковый термос, одноразовые стаканы, пачка печенья «Юбилейное» рядом.

– Стакан чаю, – сказал Алексей.

Женщина молча налила, сунула в руку. Кипяток обжигал пальцы через тонкий пластик. Он отошел к краю платформы, туда, где бетон переходит в гравий, и замер.

Вдалеке, за вокзальными постройками, за полосой деревьев, виднелась Волга. Широкая, серая, тяжелая – октябрьская Волга. И над ней – купола церкви, бледное золото на сером небе. Красиво. Тоскливо. По-русски.

Рядом кто-то чиркнул зажигалкой.

Алексей обернулся. Мужчина лет 65-70 – трудно сказать, лица таких людей не поддаются возрасту. Седой, коренастый, в потертой куртке-бушлате, из-под которой торчит вязанный ворот свитера. Сапоги кирзовые, старые, но начищенные. Он курил «Беломор» без фильтра, держал папиросу в желтых пальцах, смотрел туда же, куда и Алексей – на Волгу.

– Любуетесь? – спросил Алексей.

Мужчина не сразу ответил. Докурил, притушил о подошву сапога, бросил окурки в урну. Потом сказал:

– Смотрю. Прощаюсь.

– С Волгой?

– С Волгой. С жизнью, которая была.

Он повернулся к Алексею. Глаза светлые, водянистые, но цепкие. Лицо в морщинах, таких глубоких, будто их прорезало течением.

– Вы на Владивосток? – спросил мужчина.

– Да.

– А я до Свердловска. В девятый вагон.

– Я тоже в девятый, – удивился Алексей.

– Значит, соседи будем. Меня Николай Петрович зовут.

– Алексей.

Они пожали руки. Ладонь у Николая Петровича была шершавая, теплая, с намертво въевшейся в кожу солью или мазутом, не поймешь.

Через пять минут поезд тронулся. Алексей помог Николаю Петровичу занести в купе старый советский чемодан. Николай Петрович занял одиннадцатое место – нижнее, напротив девятого. Оно всю дорогу пустовало, но теперь у Алексея появился сосед. И разговор.

Поезд медленно выходил из Нижнего. Сначала окраины, гаражи, покосившиеся заборы, собаки на цепях. Потом мост. И вот она, Волга. Широкая, серая, холодная. Вода кажется тяжелой, как жидкий свинец. Противоположный берег тонет в дымке.

Николай Петрович долго молчал. Сидел на своей полке, смотрел в окно, гладил колено шершавой ладонью. Алексей не торопил. В поезде есть особая тишина – не та, в которой нечего сказать, а та, в которой слова еще не родились.

Наконец Николай Петрович заговорил. Не поворачиваясь, глядя на воду:

– Тридцать лет вожу баржи. Волгу всю знаю – от истока до Астрахани. Каждую протоку, каждый перекаат. Река... Она как судьба: не повернешь назад.

Он замолчал. Алексей ждал.

– В семьдесят пятом я начинал на буксире. Молодой был, зеленый, думал, река – это романтика. Заря, туман, песни под гитару. А река – это работа. Тяжелая, грязная, опасная. И холодная. Волга осенью – она не про романтику.

Николай Петрович достал из кармана бушлата пачку «Беломора», но не закурил. Покрутил в пальцах, положил обратно.

– Был у меня друг. Ленька. С одного причала начинали, в одной каюте жили. Он потом на катер перешел – маневровый, быстрый. А я остался на баржах, тихоходом. Ленька любил рисковать. Ему все казалось, что мы, баржевики, – черепахи. А он – ястреб.

Он усмехнулся, но без веселья.

– В восемьдесят пятом было дело. Поздняя осень, уже ледоход начинался. Надо было доставить топливо в один поселок выше по Волге, пока реку не сковало. Два пути: длинный, по фарватеру, безопасный, но долго. И короткий, через протоку, но там в одном месте мель и камни под водой. Ленька предлагал срезать. Говорил: «Я тебя проведу, я там сто раз ходил». Я отказался. Сказал: пойду по фарватеру, как положено. Он обиделся. Назвал меня трусом. Сказал: «Тогда я сам». Сел на свой катер и ушел в протоку.

Николай Петрович замолчал. Долго. Поезд шел вдоль Волги, вода мелькала между деревьями, иногда открывалась вся, до горизонта, серая и бесконечная.

– Не нашли его. Ни катера, ни тела. Вода забрала. Говорят, он на камни напоролся, днище пробило. А может, просто перевернуло течением. Не знаю. Только я с тех пор одно понял: река не прощает самоуверенных. Не потому что злая. Просто она сильнее. И она не спрашивает, кто ты – ястреб или черепаха. Она просто течет. И забирает то, что плохо лежит.

Он повернулся к Алексею. Посмотрел внимательно, как смотрит человек, который привык замечать все: и пену на волне, и трещину во льду, и чужую боль.

– А вы, Алексей, далеко едете?

– Во Владивосток.

– Один?

– Один.

– От кого бежите?

Алексей не ответил. Не потому, что не хотел, просто слова застряли где-то в горле, между кофе и утренней сыростью.

Николай Петрович не стал давить. Отвернулся к окну, достал папиросу, но опять не закурил, только помял в пальцах, вдыхая запах табака.

– Ладно, – сказал он. – Не хочешь, не говори. Я тоже в свое время бежал. От жены, от работы, от того, что сам себя боялся. Думал, если уеду подальше, все наладится. А оно не налаживается, Алексей. От себя не уедешь. Можно хоть во Владивосток, хоть на Камчатку, хоть на край света. А себя ты с собой повезешь. В этом купе. На этой полке.

Он усмехнулся, кивнул на свой чемодан:

– Вот везешь скарб, думаешь, надо. А надо ли? Только тяжесть.

Поезд пошел быстрее. Волга осталась позади, замелькали леса, поля, перелески.

Алексей смотрел в окно и думал. О Леньке, который не послушал друга и поплыл по короткому пути. О Николае Петровиче, который выбрал фарватер и теперь живет, но с грузом вины: не за то, что сделал, а за то, что не смог остановить. И о себе.

Он тоже выбрал короткий путь, когда решил, что их брак выдержит все. Он был самоуверен. Он думал, что любовь – это крепкий катер, который пройдет любую протоку. Он не слушал знаков: ни ее усталых глаз, ни молчания за ужином, ни того, как она перестала класть руку ему на плечо, когда он сидел за компьютером. Он думал, справится. А река взяла свое.

И теперь он едет во Владивосток. Не потому что его куда-то зовут. А потому что от чего-то бегут.

Но бегство – это ведь тоже путь. Только куда он ведет?

Алексей достал блокнот, написал: «Река не спрашивает. Она просто течет. Или забирает. Я думал, что я сильный. Оказалось, просто самоуверенный. Надеялся, что пройду по мелководу, не задену камней. Но камни были. Я просто не хотел их видеть. Теперь плыву по фарватеру. Один. Без груза. Может быть, это и есть самая правильная навигация».

Николай Петрович завозился на своей полке, достал из чемодана ватник, накрылся им, как одеялом.

– Ты это, – сказал он, уже закрывая глаза. – Не вини себя слишком. Река, она большая. Всем в ней место найдется. И тем, кто утонул. И тем, кто плывет. Главное – не сходи с фарватера. А до Владивостока ты доплывешь. Там океан. Он больше Волги. Может, там и отпустит.

Он замолчал. Через минуту задышал ровно – уснул.

Алексей остался сидеть у окна. За стеклом тянулись бесконечные поля. Октябрьская осень, желто-серая, как старая фотография. Вдали стадо коров, ферма, стог сена. Простая жизнь, которую он когда-то хотел, но не смог удержать.

Он закрыл блокнот, прижал его к груди.

Поезд шел на восток. В никуда. Или в начало чего-то нового.

Он еще не знал. И, наверное, это было главное.

День второй. Екатеринбург

Екатеринбург встретил их промозглым полднем. Поезд замедлил ход, лязгнул сцепками, и за окном поплыли серые многоэтажки, трубы ТЭЦ, рекламные щиты с лицами людей, которые улыбаются слишком широко, чтобы быть искренними.

Николай Петрович встал с полки, аккуратно сложил свой ватник, сунул в чемодан. Поправил воротник бушлата, провел ладонью по седым волосам, будто прихорашивался перед выходом, хотя выходил он навсегда. По крайней мере, для Алексея.

– Ну что, Алексей, – сказал он, протягивая руку. Ладонь по-прежнему шершавая, теплая, с намертво въевшейся солью. – Сходимся?

Они пожали руки. Крепко, по-мужски, без лишних слов.

– Спасибо за компанию, – сказал Алексей.

– Тебе спасибо, сынок. Давно я столько не говорил. А ты слушать умеешь. Это нынче редкое умение.

Он подхватил чемодан, крякнул, поправил лямку на плече. Постоял секунду у двери, глядя в окно на перрон Екатеринбурга – огромный, советский, с колоннами и люстрами, которые помнят еще Брежнева.

– Ты это, – сказал он, не оборачиваясь. – Не сиди в себе. Дорога она для того и дана, чтобы говорить. С собой или с другими. А молча доедешь, так ничего и не поймешь.

– Я постараюсь.

– Постарайся. И запомни: фарватер держи. Даже если кажется, что вокруг одни камни. Они не навсегда.

Он вышел в коридор. Лязгнула дверь тамбура. Алексей остался один.

Поезд стоял в Екатеринбурге тридцать минут. Алексей выглянул в окно: Николай Петрович шел по платформе, сутулый, коренастый, чемодан волочился за ним. У выхода с перрона старый речник остановился, достал папиросу, прикурил, не прячась от ветра. И исчез в толпе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.